

Производство времени

Вольфганг Гигерич

Вольфганг Гигерич ПРОИЗВОДСТВО ВРЕМЕНИ

Время, то, в котором мы живем, кажется данным a priori вне всякой досягаемости людей, которые, с неизбежностью подчиняясь ему и ограничиваясь им, потому и получили имя "смертных" у греков - в отличие от богов, наслаждающихся вечной юностью. Но, конечно, столь же хорошо известно, что идея и опыт времени менялись в ходе человеческой истории. Мы отличаем, например, циклическое чувство времени, свойственное самым архаическим народам, от линейного чувства времени, правящего нашим бытием-в-мире. В некотором смысле, впрочем, время может быть подчинено человеческой истории, так же как история казалась прежде подчиненной времени и укорененной в нем. От этого противоречия можно избавиться, если различать два типа времени - актуальное время (время-1) с одной стороны и идею опыта времени (время-2) с другой. Время-2 как человеческая концепция будет тогда содержаться во времени-1 и подчиняться ему, всемогущему Времени истории. Однако, философский трюк разделения одной и той же вещи на два разных типа никогда не бывает слишком убедительным так же и здесь недолгое размышление вынудит нас признать, что время-1 в такой же мере может быть человеческой идеей, как и время-2 - стало быть, проблема остается.

Вместо того, чтобы пытаться разрешить дилемму по-философски, я хочу сейчас показать - как, каким именно образом наше время, линейное историческое время, время, в котором происходят события физики, эволюция видов, история человечества, является продуктом первоначального (original) изобретения и производства. Производство, конечно же, осуществляется не на фабриках, а в первичной индустрии воображения души.

Мы можем обратиться к пророкам Ветхого Завета, чтобы проследить процесс фабрикации исторического времени.* Первоначально слово пророка было устным, адресовалось людям его времени и окружения. Но затем, в какой-то момент, пророчество было вверено письму, оно стало литературой. Исаия, отвергнутый правящими кругами Иерусалима, решает "сохранить свидетельства, запечатлев закон среди (или "в присутствии") моих учеников" (Исаия 8:16)2. В свободном переложении на современный язык3 этот стих

означает: "Я доверю Божьи предупреждения и наставления тем, кто слушает меня, чтобы они надежно сохранились подобно монетам в прочном кошельке". Почему же он хочет отложить слово Господа про запас? Потому, что для подтверждения истины своего пророчества он рассчитывает на будущее. "И я буду, - гласит следующий стих, - ждать Господа, отворившего лице Свое от дома Иакова и буду <в надежде> ожидать Его".

1 Модифицированная и расширенная английская версия главы "Der Schub und seine Bahn" из книги автора "Drachenkampf oder Initiation ins Nuklearzeitalter" (во 2-м томе Psychoanalyse der Atom bombe), Zurich, 1989.

* Термин fabrication имеет в английском языке значения "производство" и "фабрикация". Эта двойственность обыгрывается автором.

2 Согласно традиционной мазоретической интерпретации, глагольные формы понимаются как императивы, Бог инструктирует пророка делать то, что требует глагол. По грамматическим, так же как и по экзегическим причинам, современные ученые трактуют их как собственные выражения пророка.

3 Die Bibel in heutigem Deutsch. Die Gute Nachricht. St. 1982.

Этот пассаж является документом психологического события с серьезными последствиями. Происходит нечто экстраординарное в реальности душевной жизни. Религиозный опыт (пророческое слово) не выпускается в мир, не обращается к собственному времени пророка, где он мог бы оказаться эффективным или неэффективным с точки зрения соответствия <реальности>. Он фиксируется и сохраняется в резерве. Укрывается и сберегается как деньги в хорошо завязанном кошельке. "Высвободить" всегда влечет за собой "избавиться". Когда слово высвобождено, оно исчезло.

Оно больше не подконтрольно говорящему. Акт записывания, напротив, сохраняет слово во владении воспринимающего откровения. Психологически, акт укрывания вызывает эффект интенсификации силы слова, потому что оно концентрируется и настаивается.

"И я буду ждать Господа и буду в надежде ожидать Его". Исаия, очевидно, ждет момента, когда пророческое слово, полученное им в опыте откровения, и историческая, социальная реальность будут приведены к совпадению. Как мы узнаем из следующего стиха, Бог отворил лице свое от его народа. Пророк отвечает на это сокрытие

со стороны Бога сокрытием и утаиванием его пророчества. Абсолютная непреклонность по поводу истины Божьего слова, т.е. по поводу точного соответствия личного религиозного опыта и публичной реальности, может, таким образом, остаться нерушимой. Это просто невыносимо и непереносимо - таково, кажется, чувство Исаии, что архетипический опыт, видимое и слышимое откровение, не совпадает с человеческой реальностью. То, что я узрел в видении, должно быть исполнено в вечной реальности.

У Иеремии мы видим, какой могущественной может быть воля к реализации. Иеремия "как-то раз открыто обвинил Бога в вероломстве"⁴: "Неужто всегда будешь лжецом передо мною, как водопад шумящий?" (Иер. 15:18). Испытываемое расхождение между опытом и реальностью вынести не просто. Здесь нет разочарования, раз-уверения или релятивизации, нет и характерного для мифологического бытия-в-мире различия между архетипической и эмпирической истиной, когда одно просто отражается в другом без буквального совпадения. Совпадение здесь просто должно быть.

Но поскольку это требование совпадения не исполняется, оно переносится из настоящего в отдаленное будущее как единственное место, где совпадение по-прежнему возможно. То, что не есть истина, не может, и уж тем более не должно стать истиной. Наоборот, можно сказать, что изобретение будущего и есть тот путь, которым воля к абсолютному создает саму реальность.

Мы присутствуем здесь при рождении будущего (*futurum*) из воли к буквальной реализации содержания духовного прозрения или архетипического опыта. Это будущее, как место желания, или, скорее, воли и потребности в могуществе, не существовало всегда. Оно было изобретено: произведено посредством ясно указанной процедуры. Метод подобного изобретения состоит в том, что духовный опыт данного настоящего вверяется письму и тем сохраняется, сохраняется за пределами своего собственного настоящего. Или, иными словами: само настоящее замораживается. Ему не позволено естественно пройти, пройти к концу, смениться другим настоящим. Настоящее не означает здесь пустого, абстрактного момента "сейчас" на оси линейного времени. Настоящее есть некое качество, в нашем случае содержание

специфического религиозного опыта. Запирая содержимое этого настоящего (слова, открывшиеся Исаие), мы получаем возможности продлить и удержать его за пределами собственного времени настоящего. Все будущее будет тогда только порывом, пролонгацией, настоятельностью настоящего, т.е. присутствием того, что открылось Исаие в откровении, возможностью бесконечного продления настоящего. Поток первоначального времени задержан (is arrested)*. Пришествие (будущее как "время, которое приходит" - ср. нем. Zukunft = "будущее", букв. означает "время, идущее нам навстречу") новых событий, одного за другим, а также и новых откровений, приостановлено, поскольку уже зафиксированное настоящее расстилается таким образом, что исполняет роль всего времени, времени вообще.

4 Hans Walter Wolf. "So sprach Jahwe zu mir, als die Hand mich packte". Was haben die Propheten erfahren? ("Так говорил мне Яхве, возложив на меня руку". Что испытывали пророки). In: Herrenalber Texte 51 (1984), pp.9-21.

* В немецкой традиции обыгрывание значений "задержание - содержание" и "умозаключение - заключение (под стражу)" принадлежит Гегелю. В тексте "Йенской реальной философии" сопоставляются оба значения глагола "schliben" - "умозаключать" и "заключать под стражу". Содержание возникает в результате "задержания" мышлением потока Weltlauf - привычного хода вещей. Все, что попадает в <умо>заключение, вынуждено подчиняться определенным правилам содержания <под стражей>, тем самым оно сохраняется и для нас. См. Hegel, Sammtliche Werke. Ed. H.Glockner.

Все происходящее обращается тем самым в простой "момент" (в смысле конструктивного элемента, шага или стадии) развертывания этого одного, продленного за свои пределы момента. Линейное время, или время, правящее нашим чувством времени, то, на котором базируются наши науки (физика, равно как и история), есть "искусственный" продукт. Это продукт абсолютизации одного единственного момента, выделенного из потока моментов первоначального времени. Так же как Бог-творец покидает ряд мифических божеств, всегда бывших божествами природы и божествами в природе и возвышается над всей природой, полагал себя как сверх-естественного, внемирного творца естественного мира, так и единственный момент возвышается здесь над естественным течением событий и провозглашает себя временем как таковым, единственным и истинным временем. Время физики и истории,

астрономии и биологической эволюции, в действительности не являются временем вообще, "истинным" временем (куда должна была бы также выходить и эпоха мифологического мышления, по каким-то причинам не имевшая идеи линейного времени). Скорее это лишь момент первоначального времени. Нам приходится признать, что астрономия и биологическая эволюция и история историков суть не более чем аспекты одного фиксированного момента. Физика, биология, астрономия, история представляют собой разработку и развертывание воображаемого содержания этого одного, качественно-определенного мгновения, распростертого в бесконечную длительность, тогда как другие мгновения или присутствия (presences), характеризующиеся своим особенным качеством, при этом исключаются.

Мы можем взглянуть на все и с другой точки зрения. Если бы Исаия не сохранил свое откровение как сокровище в сейфе банка, тогда другой религиозный опыт, совершенно иной природы, мог произойти с ним или с теми, кто шел ему вослед. В мире, построенном мифологически, каждое настоящее имеет собственного бога или миф как внутренний образ своей качественной субстанции. Вот был момент рождения, вот - войны, вот - любви и зачатия, тьмы, засухи, урожая, болезни, праздника солнцестояния - чего угодно. Время было пришествием вечно-новых архетипических ситуаций, т.е. манифестацией различных богов, где каждый появлялся в свое время, и его природа раскрывалась в своем особом мифе. Можно было бы сказать, что Исаия отъединяет один миф от всего многообразия различных мифов, обращая его в единственный миф, в супер-миф. Он взгромождает этот один, прежде интратемпоральный* миф поверх времени как такового, так что отныне времени не остается ничего иного, как быть развертыванием единственного мифа. Один определенный момент или миф, теряет свою заменимость (собственное "от сих до сих", свое назначенное время) и становится абсолютным.

Дело обстоит так, как если бы одно единственное стихотворение из всей нашей литературной истории было бы возведено в позицию Стихотворения, а все прочие стихи считались бы простыми экспликациями, индидуальными вариациями содержания этого

сверх-стихотворения. Или как то, что расхожее понимание приписывает гегелевской философии: быть единственной философией, по отношению к которой все философемы прошло- го суть лишь частные моменты. Или как в психологии развития, например у Эриха Ноймана, где выделяется один архетип (Великая Мать) из всего множества архетипов и божеств, а всем прочим либо отводится служебная роль, либо они оказываются простыми фазами развития этого единствен- ного архетипического принципа.

Природа времени заворачивается вовнутрь. В акте узурпации внут- ренний "кусочек" времени провозглашает себя временем по большому счету.

Спасение есть тот способ, которым единственное настоящее захватывает власть над всем будущим и навязывает ему свою тему как одну и единст- венную тему. Способ, которым эта тема, принадлежащая только к одному настоящему, возвышается до исключительной мотивировки, действенной для всех "настоящих моментов" истории, лишенных, впрочем, собственного истинного настоящего. Последовательность вечно-различных пришествий (разных богов, моментов, времен), заменяется на единственную

St. 1927 Bd. II. Русский перевод (без учета этимологического обыг- рывания) - Гегель. Работы разных лет. т.1. М., 1970.

* Интраатемпоральный - находящийся внутри времени.

heilgeschichte* монотеистического Бога. История перестает быть потоком событий и превращается в одно исключительное повествование, в расска- зывание супер-мифа, и задача наших наук - непрерывно развивать и при- украшивать его. Это одно-единственное повествование имеет свое начало, подобно всякой истории, свой

Genesis** - происхождение, неважно какие - "в начале было Слово" или "в начале был Биг Бэн"; у одной истории может быть много версий, и процесс ее рассказывания еще не окончен. И у нее есть свое завершение (эсхатология), так же как и линейное и нед- вусмысленное течение от начала к концу, нетерпеливое понукание конца, так называемая история.

Это равносильно трансформации сущности будущего: вместо пришест- вия, эпифании, будущее означает теперь исполнение сбереженного, про- медлившее окончание: апокалипсис. В христианских терминах само пришес- твие - это лишь пришествие Того, кого долго ждали, оно лишается своего непредсказуемого характера***. Ведь в каком-то смысле истинное пришес- твие

<будущего> - это появление незваного гостя, неожиданной, порой жуткой и даже оскорбительной реальности.

Коль скоро это понятно, можно обнаружить, что науки - это рассказывание единственного повествования, они суть миф, единственный миф, находящийся в процессе собственного конструирования и рассказывания. Миф только кажется истиной по той причине, что мы абсолютизировали его истину (своя истина есть у любого мифа) или уступили такой абсолютизации, свершившейся когда-то в далеком прошлом. Содержание, или сообщение этого мифа есть идея абсолютного. Но это, конечно, не значит, что повествование об абсолютном есть абсолютное повествование, и понимая это, мы в состоянии разглядеть сквозь внешность, что мы попались и можем медленно, постепенно идентифицировать современную физику, астрономию, теорию эволюции, науку истории как гигантские произведения литературного жанра, именуемого "fiction"* или "belles lettres" - и тем приписать их к душе, к воображению. Говоря о беллетристике (fiction) я вовсе не хочу сказать о ней ничего плохого. Не думаю я также и утверждать, что науки не имеют дела с истинами в смысле достоверного знания, как они это провозглашают, а занимаются, вместо того, неосновательными фантазиями. Несомненно, результаты наук, в известных пределах признанной научной установки, и в самом деле "истинны" (достоверны). Но, то, что нам необходимо сделать - это вернуть несомненную "истину" (научных результатов) назад к воображаемому как одному расширенному, продленному моменту (изнутри) мифического воображения (времени). Под научной фантастикой (science fiction) мы понимаем особый жанр футуристических текстов. Но мы начинаем понимать, что сами науки - учения и прозрения наших физиков, историков и т.д. - есть действительная, буквальная science fiction, и не вопреки, а именно благодаря своей научности.

Удалившись столь далеко от первоначального пункта, от пассажа Исаии, я хотел бы теперь вновь вернуться к Исаие, чтобы проверить, в свете нашего обсуждения, что происходит в его тексте. В Ис. 30:8 Господь повелевает Исаие записать свои слова. "Теперь иди, запиши их на столе пред ними и внеси их в книгу, чтобы могли они быть

[точнее: могли служить свидетельством] для грядущих и грядущих времен. Ибо это вероломный народ, лживые дети, дети, которые не услышат закона Божьего".

Здесь мы наблюдаем протяжение в будущее. Записанное слово станет истинным когда-то в будущем и тогда восстанет как свидетельство против тех, кто не участвовал в религиозном опыте Исаии: слово Божие как бомба времени для них. Резервирование уплотняет и интенсифицирует содержание одного опыта в бомбу. Это важно отметить, поскольку помогает различать между пророческим сокрытием своей истины между учеников, и секретностью, преобладающей в мистериальных культах и мужских секретных обществах.

* Священную историю (нем.)

** Книга Бытия, первая книга Ветхого Завета.

*** В англ. языке слово advent - пришествие, появление - содержит отчетливый оттенок авантюристичности и непредсказуемости, который прямо выражен в производном от него существительном adventure - приключение.

* Термин "fiction" как жанровое определение не имеет точного эквивалента в русском языке; может быть потому, что ему ничего не соответствует в "русской действительности". По смыслу fiction - это литература в противоположность Литературе - т.е. "просто литература", без придыхания и без большой буквы. Сходным образом обстоит дело и с французским термином "belles lettres" - "беллетристика", который получил в русском языке пренебрежительный оттенок, не свойственный ему в оригинале.

Другое значение fiction - "вымысел" - ср. русское "фикция".

В то время как в культах эзотерического молчания является аутентичной целью, пророк не оставляет намерения сообщить (проповедовать) слово, и его молчание просто служит для достижения большей мощи, в пределах - абсолютной распространяемости к концу. Естественные условия проповедования с их обстоятельствами (то с большим, то с меньшим успехом) уже не приемлемы для него. Ему требуется, так сказать, Endlosung*, определенное решение ("во веки веков", раз и навсегда).

Настоящее и отдаленное будущее сводятся воедино одним словом откровения. Будущее - это не иное, свежее настоящее (пришествие), а лишь исполнение этого настоящего, взрыв припасенного слова в вечную реальность. Это последняя глава повествования, первая глава которого засвидетельствована в

откровении Исаии. Отныне и человек и все сущее и происходящее имеют место во времени. Время стало всеохватывающей упаковкой, или контейнером для всего, что есть, а все, что есть, в свою очередь, "впервые" превратилось в брэнное и мирское, тогда как прежде происходившие с человеком события происходили как время, как пришествие, эпифания.

Поскольку актуальное настоящее Исаии есть только инаугурация той новой формы настоящего, которую мы могли бы назвать историей, и поскольку оно существенно неисполнено, и его исполнение красноречиво отодвинуто на отдаленное время, - существование во времени становится ожиданием, преисполненным надежды ожиданием Его (Ис. 8:17). Качественный момент сам по себе уже более не завершен и не полон. Ожидание в надежде - это психологическое отражение затаенного дыхания, а также отражение фиксированной, задержанной истины (настоящего); задержание предохраняет ее от истощения и исполнения себя. Душа человека возведена в предельное напряжение, ей придается реактивный, орбитальный толчок, потому что завершение повествования еще только должно произойти, и душа по необходимости всецело увлечена к этой отдаленной цели, ибо задержанный момент так же, и даже в первую очередь требует завершения.

Что происходит в результате задержания, так это расщепление момента на *arche* с одной стороны и свой *telos* с другой, а их разведение производит огромное внутреннее напряжение, соответствующее критической массе при ядерной реакции. Ибо этот раскол, как и при неврозе, носит характер диссоциации: происходит разделение внутри единства, а не разделение самого единства. Его следует понимать как единство разделения (расщепления, разброса) и единения (собираания воедино) - это то самое напряжение, которое в конце христианского эона, когда оно низвелось с объективного духовного уровня в частную жизнь и субъективную эмпирическую чувственность, приходится постоянно воспроизводить и воссоздавать с помощью триллеров и массового кино. Требуются развлечения и разнообразие, чтобы убить пустое время между суровыми полюсами одного задержанного в своем течении настоящего и сделать выносимым нескончаемое ожидание систематически

откладываемого конца. Но и наоборот, развлечения нужны для того, чтобы вклинить их между полюсами для воссоздания постоянной поляризации, задающей пустоту времени, ибо без такого непрерывного воссоздания разведенные *arche* и *telos* мгновенно сомкнутся в коллапсе. Напротив, во времена мифологического бытия в мире, триллеры и романы времяпрепровождения были бы невозможны, ибо тогда каждое настоящее завершалось в своем собственном времени, оно отпускалось к прохождению с самого начала. Теперь же *arche* и *telos* намечают границы (начальную и конечную точки) на противоположных концах событийной траектории. Первоначально они были не точками, а возобновляющимся началом, возобновляющимся окончанием, и потому могут быть представлены как две нити настоящего, две зеркально подобные неразрывно-связанные нити, как те, что образуют двойную спираль ДНК. Начинать - это значило быть в процессе завершения, и именно устремляясь к концу достигать реализации и завершения. А "прекратить начинаться" означало быть навсегда-закончившимся, мертвым, прошедшим. Отпускание к завершению было равносильно несдерживаемому саморасходу части явлений, их форсированной саморастрате и, тем самым, приводило к онтологической щедрости. Заключение не резервировалось и не утаивалось, словно бы для взрывного выброса "на последних страницах романа". Направленный и отпущенный к своей финальной цели (телосу или архетипическому образу), каждый момент был онтологически и логически (не обязательно онтически) исполняющимся с самого начала и на протяжении всей своей длительности.

* *Endlosung* (нем.) - последнее решение, окончательный ответ.

Никакого времяпрепровождения. Никакого затаенного обличительства. И, по контрасту, никаких примет онтологической скупости.⁵ Моя парадигма для конституирования времени в архаической ситуации - это бега на беговой дорожке (*stadion*) ранних Олимпийских игр. Такие игры, и в особенности бега, вероятно происходят из культа мертвых и из похоронных обрядов героев (вроде похорон Патрокла, описанных в "Илиаде")⁶. Устремляясь к

цели и к финишу, бегун зримо доносит до каждого *theoros'a** значение или смысл времени и жизни. Он бежал к завершению забега и к своему истощению, символически - к смерти. Связь между бегами и смертью во многом подтверждается позднейшей терминологией греческих врачей. Они называли последнюю стадию смертельного недуга *to stadion* - "бег к финишу". Но финиш не означал просто "вот и все". Он означал также исполнение. Ибо для бегуна финиш не достигался просто в забеге и из забега. Он прибывал к своей цели на вершину алтаря бога (Зевса), находящуюся в конце беговой дорожки. Там он должен был завершить жертвоприношение, начатое до забега, поднеся огонь к политым кровью дровам (алтарь и состоял из смеси жертвенного пепла с землей), чтобы сжечь приготовленные части приносимого в жертву быка.

Пламя, пожиравшее куски жертвенного животного, подтверждало, по сути дела праздновало одновременно и смерть, и исполнение жизни. И, как утверждают Корнфорд и другие, культовые бега заканчивались священной свадьбой, божественным перевоплощением, в котором бегун достигал окончательной цели (*telete*), а присутствующие переживали свою сопричастность.

Это та точка, с которой мы можем попутно указать на некий проем, открываемый вышеприведенными размышлениями в философии Жака Дерриды.

Когда мы слышим, что Деррида характеризует свои собственные усилия как "продленное промедление", когда подумаем о месте, которое он приписывает письму (*écriture*) и *differance*, отсрочке, когда мы поразмыслим также о клаустрофобическом чтении Гегеля и всей истории западной метафизики, которая, с его точки зрения, преисполняет враждебностью к любому "присутствию", все это может указать, до какой степени его произведения связаны с типом мышления, провозглашаемым пророками Ветхого Завета. Логическая операция, которая проявлялась у них лишь внутри темы и как тема, как особая объективная реальность, о которой они говорили (буквальная дистанция между "сейчас" и "потом" как двумя раздельными онтическими точками во времени) в его мышлении стала, после сильнейшей сублимации, очищения и интериоризации стилем сознания, или логической формой ("деконструкцией"),

способной вместить всякое содержание. И, обозревая связь между настоящим, смертью и архетипической исполненностью (telete), возникает вопрос, не стоит ли за атакой на "присутствие" и стратегией откладывания, наполненная глубоким психо-логическим смыслом попытка отсрочить смерть навсегда.⁸ В соответствии с тем, что мы выяснили, вовсе не случайно, что историческая книга западного христианства, Библия, взрывается на своих последних страницах Откровением (рассказывая историю о срывании последней печати с книги, лежащей за семью печатями), и это особое откровение имеет, в свою очередь, апокалиптический (катастрофический) характер. История Христианского Запада, как история спасенного, задержанного момента, должна была завершиться апокалипсисом. Однако теперь апокалипсис может быть понят как конец этого одного момента, а не как конец вообще. Коль скоро мы боимся апокалиптического конца истории в атомной или в экологической катастрофе как абсолютного конца, значит мы все еще уравниваем один момент времени и время как таковое, пока-зывая тем самым, до какой степени мы слепы заключены в этот единствен-ный момент. Апокалипсис, случись он вдруг, был бы концом именно этого заключения и входом в новые моменты, новые настоящие.

⁵ Это утверждение имеет онтологический (или логический) статус и поэтому не может рассматриваться как моральная оценка.

⁶ Этот вопрос широко обсуждался. См., напр. E.W.Gardiner. Olympia (1925), p.63; L.Drees. Der Ursprung der Olympischen spiele (Beitraye zu hehre und Forschung der Leibesperziehung 13) 1962; m.f.Cornford.

"The origin of the Olympic games", in J.E.Harrison, Themis (1912), pp.212 ff; Walter Burkett, Homo Necans. Berlin & N.Y., 1972.

* theoros (греч.) первоначально означал именно зрителя на Олимпийских играх, затем термин стал применяться для обозначения беспристрастного наблюдателя вообще в отличие от участника. Отсюда и пошла theoria с ее презумпцией "неучастия в бегах".

⁷ Этой информацией я обязан Джеймсу Хершу.

⁸ Этот вопрос может приобрести особенно важное значение в дальнейшем, когда мы перейдем к рассмотрению пассажа Иезекииля, показывающего связь между отсрочкой исполнения и жадной преодоления смерти и Вечной Жизни.

Исходя из нашей истории, как она представлена, кажется, что Исаия записывает и укрывает Божьи слова потому, что Бог остается

сокрытым от "вероломных, лгущих людей": утаивание как реакция на отказ со стороны людей слушать и внимать. Но, может быть, было бы лучше понять укрывание, осуществляемое пророком, и не-слушание людей как две симультанные стороны одной и той же воображаемой ситуации, причем так, что утаивание пережитой истины имеет определенный логический приоритет внутри этой симультанности, а сокрытость Бога от людей является неизбежным следствием. Быть может, особенное настоящее, с которым имел дело Исаия и которое по-прежнему остается нашим - это специфическое настоящее записанной (и тем самым замороженной) истины и исполнения, отодвинутого и отсроченного ко дню некоего отдаленного будущего. И потому только, что существует задержанное настоящее, существует и настоящее сокрытости Бога (= не-слышание со стороны людей) и настоящее ожидания-в-надежде для пророка в течение этого опустошенного времени.

Быть может, пророку также требуется "вероломство" людей и собственная изгнанность в качестве необходимого ингредиента особой архетипической фантазии, в которую он пойман - чтобы были даны достаточная мотивация и толчок воистину революционному деянию перемещения происходящего от уютного, преходящего слова к записанному, абсолютизированному сообщению благодаря спасению слова и формированию его в бомбу времени.

Будь это так, это значило бы, что покуда истина момента спасена и сохраняется как монеты в надежном кошельке (можно сказать - пока она остается фиксированной как доктрина веры, метафизическая истина фило-софии или научная истина), до тех пор и исполнение будет обещаться как "грядущее во веки веков", - но тем самым, именно из-за своей спасенности, истина никогда и не могла бы вступить в бытие, она откладываясь бы до греческих календ, получала бы отсрочку навсегда. Сущностная неисполненность ожидания-в-надежде была бы постоянной. Но, с другой стороны, это значило бы, что исполнение может осуществиться, если только настоящему будет позволено преходить и пройти, что как раз и заложено в его внутренней тенденции. Скрытая в нем истина была бы отпущена в открытость и подчиненность свободе собственного течения - явным образом в риск своего (и нашего) умирания и

исчезновения. Это было бы возвращением истины к поэтике бытия, воссозданием реальности в пропасти *psyche* - воображаемого.

Для Иезекииля особенно характерен специфический жанр пророческого стиха, получивший название *Erweiswort* (слово доказательства) благодаря Вальтеру Циммерли.⁹ В подобных стихах сначала идет оповещение о деянии Яхве, сопровождаемое затем декларацией цели ("дабы вы знали"). Иезек.

37.12-14: "Смотри, народ мой, я отверзну ваши могилы и дам восстать вам из ваших могил и приведу вас на земли Израиля, и узнаете тогда, что я есть Бог Суций, когда отверзну ваши могилы и выведу вас из ваших могил... тогда же узнаете, что я есть Бог, сказавший это и сделавший так, - сказал Господь". В подобных "словах доказательства" мы видим с ясностью, не оставляющей сомнений, как ядро одного момента расщепляется, и два полюса критической массы разводятся словно эластичный атлетический эспандер, как бы создавая единую дугу для всей будущей истории. Сейчас, в настоящем, мы слышим предварительное оповещение о будущем деянии Бога. Это одна "половина" момента, его *arche*, отщепленная от непрерывности перехода в свой *telos* и установленная в одну сторону. А далее имеется (будущее) осуществление данного обещания посредством представления самого деяния как очевидное доказательство того, что "Я есть Бог, сказавший это и [воистину] сделавший так". Это другая половина того же момента, его *telos*, в котором он находит свое исполнение. Так же как *arche* было установлено по одну сторону, очевидно, что при расщеплении *telos* был установлен по другую сторону. Оповещение в настоящем истинно, но не реально, потому что существует без собственного исполнения, а ожидаемый апокалипсис будет реальным, но не истинным, поскольку произойдет как простой грубый факт, чье божественное, данное в откровении значение лежит за его пределами - в оповещении, сделанном тысячелетие назад. Все оказавшееся в промежутке время есть конъюнкция нереального и неистинного: абсолютная пустота.

⁹ W.Zimmerli. "Das Wort des gottlichen Selbsterweises (*Erweiswort*), eine prophetische Gattung". In: *Melanges Biblique rediges en l'honneur de A.Robert*, 1957 pp.154-164.

Так как конкретное деяние, о котором объявлено, является в данном случае эсхатологическим деянием разверзания могил и восстания мертвых, мы знаем, что пророк относит его исполнение не к определенному промежутку в столько-то лет, декад, столетий - а ко всему времени.

Время как таковое выгнуто и "упаковано". Замыкая в арку времени протяженность между данным сейчас обещанием и его разрешением в конце или за пределами всего времени пророки создавали онтологическую рамку, или архетипическую схему понимания истории как одной, преисполненной значения связки - в смысле одного повествования или единственной драмы. Когда Карл Ясперс писал книгу о происхождении и цели истории, он мог делать это лишь потому, что находился в пределах одного настоящего, отщепленного и размноженного стараниями пророков, и лишь потому, что это одно настоящее оставалось для него идентичным с временем вообще. Но и сама наука истории, и даже физика возможны только на почве, подготовленной благодаря ситуации, создаваемой "словом доказательства": поскольку следствия многих событий сводятся в одну самодержавную связку только благодаря "слову доказательства", тогда как в естественной ситуации каждое время имело свою, вечно свежую природу.

Времен было много. Время было собирательным существительным. И каждое время было неким конечным сущим. Есть и другая причина, в дополнение к смещению времени как таковому, почему в цитируемых пассажах Иезекииля жанр Erweiswort тематически связан с наглядным воскрешением из мертвых, а не с чем-либо еще.

То, что спасено, сокрыто, захоронено, требует взрывного апокалиптического обнаружения. Метод запираения с целью интенсификации при открывании к концу времени, это только одна сторона импульса, другой стороной которого является тематическая и эсхатологическая вовлеченность в надежду превзойти смерть. Метод отсрочки Божественного слова посредством записывания (и, тем самым, замораживания, абсолютизации, "убивания" его) - это путь к идее Вечной Жизни. Данный метод есть, по сути дела, инструмент, с помощью которого человеческое существование

может быть вытащено из своей естественной позиции и трансплантировано в позицию эсхатологической обнадуженности. Одновременно это было психологически реальной трансплантацией жизни из единичности явлений и ее перенесение в вечное и абсолютное (Вечную Жизнь). В той мере, в какой эсхатологическое обнадуживание по поводу Вечной Жизни уже является воскрешением из мертвых, акт откладывания и замораживания слова - благодаря которому мы устремляемся к надежде, уже сам по себе есть слово, обещающее воскресение.

История пророков - это некая история сдерживаемого дыхания. Но сдерживаемое дыхание означает здесь также долгий вдох. Жизнь перестала быть постоянным, "монотонным" ритмом выдоха и вдоха уже начиная с Исаии, отложившего свою истину в закрытый кошелек, чем предотвращается выдыхание. Тогда долгий вдох и должен стать тем, что конституирует первоначальную историю. Огромный разброс одного-единственного временного континуума создается задержкой дыхания, аскетическим воздержанием от выдоха. Это та протяженность времени, что дает западному человеку возможность непрерывной работы над одним опытом конструирования технической цивилизации. Мифологический мир характеризовался припоминанием и забыванием, Мнемозиной и Летой, вдыханием и выдыханием. По этой причине каждое индивидуальное настоящее было слишком кратким, чтобы позволить продолжительное культурное развитие в течение столетий в смысле "прогресса", типичного для христианского эона. В мифологической ситуации не было единого времени как упаковки для всех моментов, каждый момент или феномен имел собственное время, был временем, а новый момент или феномен был также началом нового и иного времени. И поскольку момент здесь был не элементом внутри континуума, а полноправным дискретным временем, в нем едва ли оставалось место для длительной непрерывности.¹⁰ Каждое время было не только слишком кратким, вдобавок оно приходило вместе со своим забегом, устремленным к завершению, к своему собственному апокалипсису: к манифестации и проживанию своего воображаемого значения.

10 Вместо этой длительности, обуславливающей прогрессивное развитие, архаические народы имели другой тип длительности - традицию, длительность значения.

Такова была до-пророческая динамика явлений. Они оргиастически растрчивали себя - исключительно в соответствии со своим архетипом.

Они истощали себя не иначе как на простой разброс видимости, не оставляя ничего тому, кто не присутствовал, не участвовал в их изначальном проживании: никакого практического результата, ничего абсолютного для передачи следующему поколению, ничего, что могло бы послужить отправной точкой для прогрессивного развития. Следующее поколение должно было начинать все сначала и делать свой собственный вдох-выдох.

Только прилагая к каждой новой ситуации архетипическую схему, завоеванную для человечества ветхозаветными пророками (и, так сказать, только предохраняя каждое явление от саморастраты на видимость своей "истины") можно было удержать нечто абсолютное, что продлевалось бы за пределы своего времени: запечатление истины момента в книге, логически лишает момент его эпифанической брэнности, абстрагирует и "спасает" его от самопредоставленности собственной смерти - от призрачного значения. Тем самым момент сводился к его перманентному абстрактному "информационному" аспекту, который, независимо от любого изначального эпифанического проживания, мог быть постигнут и изучен и стать предметом веры или сомнением в споре¹¹. Только как замороженный акт эксклюзивного вдоха он предполагал позитивный результат (как чистый акт, а не наполненный смыслом опыт) и поэтому был способен послужить фундаментом построения. Создалась совершенно новая динамика. Задержание первоначальной динамики момента извлекало его из настоящего, интегральной частью которого он являлся, и позволило изменить его направление. Его энергия, которая растратилась бы в забеге к собственному финишу, если предоставить ее самой себе, теперь использовалось как средство, позволяющее цивилизации оттолкнуться от опыта предыдущих поколений (только теперь воспринимаемого а priori в качестве фиксированных результатов) к

новым уровням цивилизации и сознания. Динамика превращается в энергию, непрерывно подпитывающую двигатель ради одного сверх-момента, одного линейного повествования, провозглашенного пророками¹². Усердное применение этого силового привода к каждому аспекту мира науки, технологии и индустрии, и есть та динамика согнутого в дугу времени, которую мы называем "прогрессом". Она обусловила все более отчетливое и детальное подчинение мира истине одного задержанного момента и пополнило ускоряющееся возвышение над "природой" и разрыв с ней человека Запада.

Насколько я могу судить, существует только четыре типа подходов, или теорий, истории как целого: 1) летописный подход, зафиксированный в хрониках; 2) циклическая концепция времени, идеи вечного возвращения (вероятно смоделированные в соответствии со сменой дня и ночи или повторяющихся времен года); 3) теория дегенерации, представляющая историю как падение от Золотого к Железному Веку, или к индийской кали юге (возможно, моделью послужило наше биологическое старение); 4) эволюционная теория истории или теория прогресса (вдохновленная идеей роста растений или взросления детей).

Мы можем теперь прибавить пятую точку зрения на историю: инволюция всего времени к одному из его моментов. То, что с одной позиции казалось узурпирующим вознесением одного момента над всеобщим равенством моментов, может быть с другой стороны рассмотрено как маниакальное мигание этого единственного мгновения и проведение всей жизни, всего времени, всех вещей и событий через его узкие рамки. Однако эта концепция требует от нас некоего ментального усилия, значительного напряжения ума. Ее суть не может быть воспринята в образах или наглядно представлена, - только помыслена. Мы должны принять вызов нашему мышлению и постигнуть бесконечную экспансию открытого к-концу линейного времени, размещаемого в безразмерной, геометрической точке: историю, стоящую над всей историей научного и технологического прогресса, над невероятным собранием сведений о всех подробностях сущего, над проникновением ко все более отдаленным галактикам и микроскопическим

глуби- нам материи - развертывающуюся историю как неостановимый коллапс все- ленной в черную дыру (в Черную Дыру).

11 Как религиозное верование, так и научное знание зависят от абсолю- тизации истины в качестве записанного слова. Эпифания (экспромт) не могла быть возможным предметом веры. Она была проживанием, которое как логически преходящее (не абсолютное, не записанное), "проходило сквозь проживающего человека, исполняя и испепеляя его при прохождении.

12 Это становится совершенно ясным из пассажа Иезекииля: исполнение Божественного обещания в конце времени было по своему качеству не бесцельным блеском видимости, но вечной и абсолютной целью - "служить в качестве [фактического] доказательства, для победы в споре.

Цифрами помечены примечания автора, звездочками - примечания переводчика.

Перевод А.Секацкого